

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ РЕМИЗОВ

Владимир Марков

Попробуем задать себе гипотетический вопрос: Что если в определенный период литература «получается» только тогда, когда в ней есть две противоположные величины, как бы плюс и минус, между которыми и рождается поэтическое электричество? А если их нет, литература хиреет. Однако даже при их наличии не всегда легко установить, кто они. Сразу после революции современникам представлялось: одним, что в поэзии Маяковскому противостоит Ахматова, другим — что это Есенин. Несколько позже антитеза приобрела форму «Маяковский — Пастернак». Кое-кому из нас начинает «яснеть» (как сказал бы Баратынский), что подлинный конфликт был между Маяковским и Мандельштамом. Прибавим к нашей гипотезе маленькое условие: одна из двух друг другу противостоящих величин обычно недооценивается как критикой, так и своим антагонистом, — общепризнанным, стоящим в центре внимания и громко обсуждаемым.

Если принять такую ненаучную теорию,¹ может быть, годную лишь для салонной игры, то классическим примером может служить проза русской эмиграции. С одной стороны, нобелевский лауреат Бунин, каждую оставшуюся строчку которого *Новый Журнал* после его смерти благоговейно публиковал в течение многих месяцев; с другой — всю писательскую жизнь чуть что не побиравшийся и вроде как из милости печатаемый в толстых журналах Ремизов, у которого к смерти осталось неопубликованными больше десятка книг. Политически даже получалась какая-то несурязица: автор *Окаянных дней* Бунин, назвавший Ленина «косоглазым, картавым, лысым сифилитиком»,² посмертно въехал в Союз Советских Писателей на белом коне, а Ремизов, тщательно антисоветских выступлений избегавший,³ только недавно удостоился в России довольно жалкого сборничка и, по существу, до сих пор там ютится на литературных задворках.⁴ Вряд ли на доме, где он проживал в Казачьем переулке,⁵ есть мемориальная доска.

Впрочем, для Ремизова характерна не столько непризнанность, сколько ее странное сосуществование с большой известностью. С одной стороны, еще до революции восьмитомное собрание сочинений; в ранний советский период огромное влияние на молодую прозу

(причем, когда его уже в России не было — еще один парадокс); и кто еще может похвастаться изданием больше восьми десятков книг? С другой, — какое-то вечное «сбоку-припеку» (начиная со службы в *Вопросах Жизни*); гримаска на устах эмигрантского читателя («словечка в простоте не скажет»); «18-летний мордоворот» с изданием;⁶ только одна книга, которую Чеховское издательство в Нью-Йорке соблаговолило напечатать.

Неудивительно, что критики или повторяли одно и то же, или не могли скрыть раздражения, а кое-кто и прямо обвинял Ремизова, что он прибедняется и жалобы его граничат с лицемерием. Может быть, лучший критик русского зарубежья (и мастер витиеватой банальности) Георгий Адамович сетовал, что ему нужен «ключ к этому очень сложному, очень противоречивому, замечательному и несносному писателю».⁷ Лучше всех писал о Ремизове он сам (собственно, он и подсказал критикам больше половины суждений о себе), но тут нужен глаз да глаз. В любимых ремизовских утверждениях (вроде того, что после Аввакума русская проза свернула на французско-немецкий лад) верность часто относительная, да и не так свободен он от «грамматики» в собственной прозе.

Слава-известность растет из обмена читательских впечатлений, усвоения критических шаблонов и, в какой-то мере, из академического изучения. Читателю сейчас трудно познакомиться с Ремизовым. Советский сборник 1978 г., *Избранное*, мал и плохо составлен; переиздания за пределами России немногочисленны и часто недоступны по цене. Повидимому, нужна и какая-то читательская подготовка. Один молодой человек из «третьих» эмигрантов недавно поведал мне о своем разочаровании после первого знакомства с ремизовской прозой (это были *Крестовые сестры*) и добавил: «Вот Аксенов, это да.» Трудно сказать, это частный случай или говорит о потенциальной реакции целого поколения. Правда, запоздалые авангардисты, издавшие альманах *Аполлон-77*, взяли Ремизова себе в компанию, видимо, пленившись трудностью, запутанностью и «неорганизованностью» его прозы — да и они демонстрируют, главным образом, рисунки писателя, которыми он кормился во время «мордоворота».

Критические высказывания о Ремизове, как правило, повторяют знакомые истины о том, что он писал сказом, пользовался фольклором, хотел вернуть прозу к временам другого Алексея Михайловича, записывал сны и влекся к чертовщине. Много из этого, как уже упомянуто, подсказано самим писателем и, во всяком случае, нуждается в проверке и переоценке — хотя на пути стоит (и мешает) очень уж коло-

ритный бытовой образ не то древнерусского писца, не то дедушки-колдуна, не то гнома-шутника;

Старообрядца череп, нос эсера,
Канцеляриста горб и дьяковы персты.
(Городецкий)

Сквозь легенду, как часто бывает, трудно пробиться к творчеству. Недавно профессор В.Д. Левин высказал в лекции взгляд, что, собственно, никакого сказа у Ремизова нет. После того как это слово десятилетиями склонялось на все лады в связи с Ремизовым, это все равно, что объявить: знаете ли, Пушкин, если сказать правду, четырехстопным ямбом не писал. И тем не менее, при отсутствии у Ремизова говорящего и себя этим говором характеризующего героя, это верно. Несколько лет тому назад теперь покойный профессор Б. Унбегаун (тоже в лекции) обронил, что сама ремизовская проза не соответствует идеалу, который он проповедует. Прибавим, что его стилистика (то есть, может быть, самый важный аспект его творчества) еще не описана во всей сложности и многообразии.⁸ Сам писатель употребляет слово «сказ» совсем не в эйхенбаумовском смысле (ср. подзаголовки к *Трава-мурава*). Да и любой читавший Ремизова знает, что, кроме разговорной (редко чисто-разговорной), у него много прозы лирической, возвышенной.

От критики мы незаметно перешли к научному изучению Ремизова, и здесь надо сказать, что в России оно не начиналось, а на Западе только чуть-чуть началось, хотя недостатка внимания к писателю не было, диссертации о нем писались.⁹ Если не ошибаюсь, только одна из них попала в печать. Есть неплохие специалисты по Ремизову, но некоторые из них не публиковали не только книг, но даже и статей о нем. Недавно в Париже появилась хорошая библиография ремизовских произведений, и к ней в Вене сразу сделали в рецензии шестнадцать страниц поправок и добавок — что хорошо демонстрирует трудности ремизоведения.¹⁰

Ремизова трудно не только изучать, но и просто читать. Вышеупомянутого молодого человека легко понять. Взять, например, те же не понравившиеся ему *Крестовые сестры*. С каких «позиций» подойти к этому роману? Было бы нетрудно, если б тут был авангард; но авангарда нет. Авангард это или разумное перераспределение элементов, или сведение к эстетическому скелету, или творчество не от «головы» или «сердца», а от печенки и спинного мозга, или честная «реникса», или «долой искусство» — дырка от бублика. У Ремизова иное; он ско-

рее реалист, но особого толка¹¹ («тема моя — жизнь с ее чудесным»).¹² На поверхности, *Крестовые сестры*, как часто у него, безысходный-беспросветный русский роман с «проблемами» («но человека человек», есть Бог или нет, кто виноват), только заметно стилизующий: там гоголевское эхо, тут оборот из Достоевского. Однако рядом — нечто дразнящее, какое-то нежелание (или невозможность?) честно, «по-русски» ответить: да или нет. Лейтмотивы он печатает в разрядку, и они как будто не только дают ключ, и прямо-таки вбивают в голову читателю какую-то идею, но некоторые из них только запутывают. Зачем-то в романе целых три Веры, но даже если они все три «крестовые сестры», ими это сословие не исчерпывается. А некоторые героини, непонятно, принадлежат к ним или нет. Вообще нередко Ремизов пишет «как не надо» (в отличие, например, от Горького, который всегда «как надо»). О главном часто надо догадываться;¹³ Глотов, пружина действия, прячется где-то за кулисами; некоторые части вроде как не нужны или тонут в полутьме; болтовня заглушает важное.¹⁴ Присмотревшись, обнаруживаешь, что и стилизация вовсе не подражательна, а часто пародическая: Ремизов как бы коллекционирует наиболее набившие оскомину ситуации из русских романов и пьес.

Стилистика тоже камень преткновения. Ремизов — виртуоз «подслова, которым богата речь».¹⁵ Еще раннего Ремизова сравнительно нетрудно читать; только отдельные словечки время от времени гонят к Далю и к энциклопедиям. В позднем труднее идти за «извилистой мыслью»¹⁶ писателя. Иногда фразу не понимаешь, пока не нашел правильную интонацию (как при чтении письма от малограмотного, где нет знаков или они поставлены неправильно). Впечатление «непричесанности» усугубляется еще и тем, что многие книги Ремизова неуловимы по жанру. Даже его fiction до крайности разнородна. В *Посолони*, например, к фольклорным миниатюрам, расположенным по временам года, прибавлена «поэма»-повесть о Алалее и Лейле (этакая ремизовская «Дорога на Океан»), а в конце читатель получает целые страницы ученых примечаний, как будто это диссертация (впрочем, и в тексте Ремизов любит давать годы рождения и смерти, как в учебниках или словарях).

Может быть, первая задача сейчас — это описать все творчество Ремизова, что, при его феноменальной плодовитости, дело нешуточное. Пусть некоторые его книги совсем небольшие, и все-таки 83¹⁷ цифра внушительная, и я не удивлюсь, если сам Хорст Лампл, может быть, лучший сейчас ремизовед, не видал воочию всех его книг.¹⁸

Хотел бы я посмотреть на коллекционера, который собрал их все. Читая *Бахчисарайский фонтан*, мы помним, что есть *Капитанская дочка*. С Ремизовым дело обстоит иначе. Те (до сих пор немногие), кто читал три-четыре его известные вещи, не подозревают, что у него, по меньшей мере, еще с десятков значительных книг. Потому-то и необходимо описать, по возможности, все. Даже более или менее знакомое — *Посолонь*, *Пруд*, *Трагедия о Иуде*, *Повесть о Стратилатове (Неуемный бубен)*, *Крестовые сестры*, *Пятая язва*, *Взвихренная Русь* — не дают представления о таких шедеврах, как *В поле блакитном*, *Россия в письменах*, *Ахру*, *Кукха* и *По карнизам*.

Мне хотелось бы особенно рекомендовать вниманию читателей послевоенный период Ремизова, по-моему, самый замечательный и, к сожалению, еще в полной мере не оцененный. Здесь буквально что ни книга, то шедевр, а проза достигает предела выразительности и утонченности. Среди них есть такие, которые просто обязан знать каждый образованный русский: собрание снов *Мартын Задека*, мемуары необычные *Мышкина дудочка* и более обычные *Подстриженными глазами*, демоника *Бесноватых* (может быть, лучший пример переписывания Ремизовым старинных повестей на свой лад).

Сны, память и переписывание — может быть, три основные темы-аспекта ремизовского творчества,¹⁹ и часто не знаешь, где начинается одно и кончается другое. Лично для меня вершины этого творчества две книги послевоенного периода: *Огонь вещей* и *Мелюзина*. *Огонь вещей* — одно из самых значительных произведений русской критической эссеистики. В том, что Ремизов говорит в нем о Гоголе, с ним равняется только Андрей Белый, а к *Мертвым душам* Ремизов здесь приблизился, может быть, ближе всех других. Очерк о снах у Пушкина должен войти в любую антологию русской критики и изучаться в русских средних школах. *Мелюзина* — «переписанная» западная легенда, и о ней трудно говорить: это сама поэзия.

В Ремизова нужно вчитываться, о нем надо писать, и его необходимо изучать, — а для этого всего его нужно издавать и издавать: и раннее, и позднее, и не издавшее света. В конце концов, когда-нибудь в читательском сознании выкристаллизуется новый его образ: не юрдивого (каким его выставлял не один критик), а одного из самых серьезных писателей России, писателя необычайного диапазона и своеобразия, важный ключ к предреволюционному русскому ренессансу, продолжавшемуся в эмиграции. Может быть, тогда мы поймем, почему он называл *Выбранные места* Гоголя «одной из музыкальнейших книг русской литературы»²⁰ и зачем он образовал Обезьянью Палату

(которую, право, неплохо возобновить).

Во всяком случае, теперь вовсе не обязательно выбирать между Ремизовым и Буниным. Ведь вкус не только в правильности выбора, но и в широте этого выбора. Надо уметь ценить и Баратынского, и Бенедиктова, «и блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой».

Калифорнийский университет, Лос Анжелес

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сразу встает вопрос: кто этот неузнанный, этот Добрыня на пиру у Алеши, в пушкинский период — Тютчев? Баратынский? Применимо ли это к музыке? К живописи?

2. *Воспоминания*, «Возрождение», Париж 1950, стр. 240.

3. Поэтому остается большим вопросом, почему его так замалчивают в СССР. Вряд ли из-за *Слова о погибели русской земли*, которое и написано-то было (если верить ремизовским датам) до октябрьской революции.

4. Например, его «Повесть о Петре и Февронии» была целиком опубликована в середине научной статьи в 26 томе ТОДРЛ.

5. Ныне переулочек Ильича (при Брежневле даже было неясно которого). До войны славился хулиганством («В переулочек Ильича не ходи без кирпича», говорили ленинградцы).

6. Надпись на моем экземпляре *Пляшущего демона*: «Первая книга после 18-летнего мордоворота. За эти годы русские издательства отказывались от моих книг: 'не для нашего де читателя.' А по другому я писать не горазд.»

7. Рецензия на *Новый Журнал* в газ. *Новое Русское Слово* от 5 июля 1958. Отметим с удивлением, что в начале цитаты Адамович даже впадает в советский критический жаргон.

8. Справедливости ради следует помянуть добрым словом книгу Катарины Гайб (Katharina Geib, *A. M. Remizov*, Fink Verlag, München 1970); она явилась пионером, но, к сожалению, более половины ремизовской прозы было ей недоступно.

9. Хотя и не так уж много. Для сравнения: сколько диссертаций (часто ненужных) было за последнее время написано о Солженицыне и Набокове.

10. Я не упоминаю *Алексея Ремизова* Натальи Кодрянской, но эта замечательная книга — не «исследование».

11. А иногда и обычного, бытового: вспомним описания в *Пруде*, как чешутся, ищутся и молятся перед сном.

12. *По карнизам*, Белград 1929, стр. 115.

13. Ср. в *Неуемном бубне*, еще более «ускользающем» произведении, еле намеченный демонический аспект (обстоятельства крещения Стратилатова).

14. Не забудем и тьму «лишних» имен (а бедным иностранцам и с лишними часто не справиться).

15. *Крашенные рыла*, Берлин 1922, стр. 105.

16. *Пляшущий демон: Танец и слово*, Париж 1949, стр. 15.

17. По подсчету Лампля. Сам Ремизов насчитал только 82 (см. перечень в конце его последней книги *Круг счастья*: 37 до эмиграции и 45 после).

18. Я никогда не видел *Морцинки*, *Никола милостивого* в изд-ве «Колос», *Бесовского действия* 1919 г., *Тибетских сказок*, изданных в Чите, и *Горя-злосчастного*.

19. Я не буду касаться более узких ремизовских тем, например, знаменитой темы человеческого равнодушия («человек человеку бревно», «ведь никому ни до кого нет дела») или — в эмиграции — темы писательской ненужности.